

Н.А. Сунгатов (Институт языкознания РАН)

N.A. Sungatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Предельное моделирование языка как способ поэтической новации¹

Limit language modeling as the way of poetic novation

Аннотация

В статье рассматриваются способы предельного моделирования языка в современной русской поэзии. В фокусе внимания оказываются предельные языковые модели («язык как структура», «язык как коммуникативное действие», «язык как когнитивное пространство»), обнаруживаемые в поэтических текстах Валерия Нугатова, Елены Костылевой и Никиты Сафонова.

The paper deals with the ways of limit language modeling in modern Russian poetry. Special attention is brought to the limit language models («language as the structure», «language as the communicative action», «language as the cognitive space»), which discovered in poetical texts of Valery Nugatov, Elena Kostyleva and Nikita Safonov.

Ключевые слова

Моделирование языка, когнитивная поэтика, современная поэзия

Language modeling, cognitive poetics, modern poetry

Моделирование языка – деятельность, лежащая в основании лингвистического знания. Сами лингвистические дисциплины различаются между собой по принципу изучения разных языковых моделей: фонетика изучает язык как набор звуков, семантика – язык как набор значений, и так далее. Такое моделирование позволяет строить непротиворечивое описание языка, позволяющее изучать языковые явления. Многие поэты также занимаются моделированием языка, созданием предельных языковых

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 16-24-10001 «Параллельные процессы в языке современной русской и китайской поэзии»).

моделей, но уже не с целью их изучения в научном смысле, а с целью создания оригинальной поэтики.

Н.А. Фатеева в статье «Метаязыковая рефлексия в современной поэзии» говорит о «так называемой «лингвистике поэта», подразумевающей существование рефлексивной деятельности не только по оценке и интерпретации фактов языка, но и креативной составляющей этого процесса, приводящей к семантическим трансформациям исходных единиц языка и появлению новых, вызывающих появление особой метаязыковой картины мира» [9, 298]. Необходимо отметить, что из любого (в том числе и не поэтического) текста можно извлечь и реконструировать то, что вслед за Ю.С. Степановым принято обозначать термином «образ языка». Н.М. Азарова отмечает, что «этот термин оказывается удобным не только для исследования концептуализации языка в научном дискурсе, но и в других типах дискурса, причём как концептуализация по модели “язык вообще”» [1, 23]. Однако, уже с начала XX века, поэты начинают не просто отображать и воспроизводить существующие образы языка, но сознательно конструировать предельные модели языка.

Предельной моделью языка мы называем модель, абсолютизирующую один из возможных взглядов на язык и представляющую отдельные его свойства, функции и атрибуты как целостный образ. Так, в историческом авангарде поэзия на «заумном языке» (прежде всего – А. Кручёных) представляет собой построение предельной модели «язык как звук», где абсолютизируется фонетический облик поэтического текста и при этом изымаются грамматическая связность и лексические значения, что даёт основания Осипу Брику в классической статье «Звуковые повторы» рассматривать поэзию именно с этой точки зрения [6].

Другую предельную модель можно назвать «язык как дискурс». Примером построения этой модели является поэзия московского концептуализма, прежде всего – поэзия Д.А. Пригова. В одном из «предуведомлений» к своим стихотворениям Д.А. Пригов пишет: «<...> я прежде всего занимаюсь вычленением некоего Логоса данного типа письма и творения. Меня не очень интересует его взаимосвязь с конкретной

жизнью» [9, 20—21]. В своих «24,000 текстов» он формализует поэтический текст как принадлежащий тому или иному дискурсу, «разоблачая» его репрессивные механизмы.

При анализе практик тех современных поэтов, о которых пойдёт речь в этой статье, важно иметь в виду и то, что та или иная языковая модель выстраивается в их практике не в одном отдельно взятом тексте (подобные примеры можно найти у многих авторов в истории поэзии), но становится последовательным стратегическим принципом создания поэтических текстов.

Обратимся к характерному тексту современного русского поэта Валерия Нугатова, выстраивающего модель, которую можно назвать «язык как структура»:

певица мадонна поддержала pussy riot

певица бьорк поддержала pussy riot

певица йоко оно поддержала pussy riot

певцы faith no more поддержали pussy riot

певец питер гэбриэл поддержал pussy riot

певцы red hot chilli peppers поддержали pussy riot

певица патти смит поддержала pussy riot

певица ёлка поддержала pussy riot

певица ирина аллегорова поддержала pussy riot

<...>

певец юрий шевчук поддержал pussy riot

певец сергей шнуров поддержал pussy riot

певец шура поддержал pussy riot

певец михаил шуфутинский поддержал pussy riot

в общем все поддержали

всем спасибо

все хорошо

Большую часть этого, характерного для Нугатова, текста составляет многократно повторяющееся предложение классической структуры SVO, в котором меняются только имя певца и грамматические формы существительного «певец» и глагола «поддержал».

В этом, как и в других своих текстах, Нугатов доводит до абсурда принципы *повторяемости* и *параллелизма*, которым Роман Якобсон отводил ведущую роль в поэтическом языке [11; 12]. В учебнике «Поэзия», в разделе «Связность поэтического текста» говорится, что «для поэтического текста характерна не только горизонтальная, но и вертикальная связность» [3, 299]. Нугатов абсолютизирует этот принцип, обнажая его схему: с одной стороны, в основу текста ложится одна и та же, многократно повторяемая, строка, которая не теряет строгой синтаксической связности, с другой – строки его текстов составляют тавтологическую рифму друг к другу, обнажая приём механистичного повторения, столь характерный для прототипического «поэтического текста».

Другой пример построения предельной языковой модели – абсолютизация прагматического уровня языка, построение модели «язык как коммуникативное действие». Говоря о прагматике современного поэтического текста, нельзя не вспомнить главного современного идеолога прагматического анализа Павла Арсеньева, выступающего и как теоретик, и как практик (в том числе в составе «Лаборатории поэтического акционизма») «прагматической поэтики». Однако, если Арсеньев рассматривает различные (далёкие друг от друга) поэтики сквозь оптику прагматического измерения [4], то нас в данной статье интересует, как прагматический уровень поэтического языка может быть абсолютизирован.

Прежде всего, абсолютизация прагматического уровня поэтического текста означает его редукцию до возможности быть актуализованным только в одной коммуникативной ситуации. Такая абсолютизация исключает возможность текста быть напечатанным и растиражированным (либо он может быть написан и прочитан один раз, а затем стёрт). Те же тексты, написанные специально для акций «Лаборатории

Поэтического Акционизма», были в дальнейшем записаны и растиражированы в книге Павла Арсеньева «Бесцветные зелёные идеи яростно спят».

Мы обратимся к случаю Елены Костылевой, которая с недавнего времени перестала читать на поэтических вечерах свои старые, уже опубликованные тексты. Вместо этого она читает исключительно стихи, написанные «на случай», нигде впоследствии их не публикуя. В эти тексты она включает имена и реалии, сохраняющие актуальность только для данного конкретного события чтения. Текст, сохраняющий все формальные свойства поэтического, в данном случае является *текстом* исключительно в актуальной ситуации его прочтения.

Показателен текст, прочитанный ею совместно со Станиславом Снытко на чтениях, приуроченных к конференции «Иные логики письма», посвящённой Аркадию Драгомощенко (2015 г.). В этом тексте она обращается к Аркадию Драгомощенко, в отдельных строчках описывая свои впечатления от событий на конференции. Снытко зачитывает фрагменты из писем, которые Драгомощенко писал Костылевой.

Характерен такой фрагмент из этого текста: *«мне мешает твоя жена Зина/она непременно сделает мне замечание из зала/хотя, чёрт её разберёт, может будет благосклонна»*. Тем самым, она совершает прямое включение адресата (Зинаиды Драгомощенко, находящейся в зале в момент прочтения текста) в интеракцию, обесмысливающее, вместе с тем, прочтение этого текста в любой другой коммуникативной ситуации.

Характерной чертой модели «язык как коммуникативное действие» является и абсолютизация (и – одновременно – конкретизация) идеального адресата. Н.М. Азарова определяет его так: «это тот, кто видит написанное поэтом или философом лучше, чем сам автор, и способен своим прочтением раскрыть (явить, но не объяснить) автору <...> это ни в коем случае не обобщенный читатель, обладающий определенными характеристиками, и вообще не человек, в пределе *идеальный адресат* – это условно Бог» [2, 226]. В случае Костылевой же адресат, подразумеваемый в тексте, практически

полностью отождествляется с реальным читателем (слушателем) текста в конкретной коммуникативной ситуации.

В отличие от обычного стихотворения, написанного «на случай», этот текст впоследствии не фиксируется и не распространяется. Единственным источником, по которому мы можем восстановить этот текст, является видеозапись выступления Костылевой на *Youtube*. Однако эту видеозапись нельзя расценивать как «запись текста» в традиционном понимании: на записи мы видим все запланированные и просчитанные автором реакции слушателей, и в другой коммуникативной ситуации этот текст полностью обесмысливается.

Таким образом выстраивается модель «язык как коммуникативное действие», когда абсолютизируется способность поэтического текста создавать определённые *ситуации* и максимально конкретизируется *обращённость* поэтического текста.

Третий пример, к которому мы обратимся, связан с построением модели, которую мы обозначим как «язык как когнитивное пространство». Приведём стихотворение Никиты Сафонова:

Где находилась цитата, которую только что можно было
поставить на место другого, на плоскость предмета? В похожем
запрете на взгляд в сторону стен, определяющих зону решения
света, будет необходимо различие между первым и крайним
сомнением, расположенным между первым и крайним,
граничным изображением того, что могло быть сюжетом, но
не местом, в котором выписаны кривые условий. Тем самым
можно расположить эти «предметы», названные так только
в силу их формы и угрозы объёму потерять себя, на любой
гладкой поверхности, прямо посреди «полей»

В поэзии Сафонова немедленно обращает на себя внимание затруднённая референция: герменевтическое бессилие перед этими текстами отмечают, кажется, все (немногочисленные) критики, писавшие о Сафонове, включая автора предисловия к

книге «Разворот полем симметрии» Сергея Огурцова. Не менее показательны, чем герменевтическое затруднение, здесь и то опасение, о которых говорят исследователи, обращающиеся к поэзии Сафонова. Так, Кирилл Корчагин, в рецензии на книгу Никиты Сафонова «Узлы», отмечает, что «при чтении «Узлов» часто возникает ощущение исчерпанности формальной задачи» [8]. Эти слова можно применить и к практикам других поэтов, рассматриваемых в этой статье.

Затруднённости референции в поэзии Сафонова достигается, с одной стороны, доминированием абстрактной (преимущественно научной) лексики, не интерпретируемой вне контекста употребления: мы не знаем, какая «цитата» имеется в виду Сафоновым, так же как и плоскость «какого» предмета упоминается в его тексте, и так далее. С другой – обилием дейктических единиц, используемых вне заданного контекста. По А.А. Кибрику, дейктические языковые единицы соответствуют прагматическим переменным, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта [7]. Дейктические единицы в текстах Сафонова играют ключевую текстообразующую роль, однако отсутствие любого указания на порождающий их контекст лишает их возможности интерпретации. Выделим дейктические единицы в первых двух строках стихотворения: «Где находилась цитата, которую **только что** можно было/поставить **на место другого, на плоскость предмета?**». Все выделенные дейктические единицы можно проинтерпретировать, только зная контекст, в котором они образуются: вне контекста мы не знаем, когда было это «только что» и где находится «место другого».

Исследователь в области когнитивной поэтики Питер Стоквелл (Peter Stockwell) выдвигает теорию *дейктического сдвига*: взаимодействуя с художественным текстом, читатель переносится внутрь описываемого мира [13]. Как пишет один из немногих отечественных исследователей в области когнитивной поэтики Денис Ахапкин, «возникает особое ментальное пространство, в рамках которого существуют *здесь и сейчас*, отличное от реальных координат, в которых находится читатель» [5].

Дейктический сдвиг в текстах Сафонова переносит их читателя в *неопределяемое пространство*. Это пространство лишено каких-либо связей не только с физическим, но и с понятийным миром. Тексты Сафонова состоят из языковых элементов, запускающих читательскую работу по созданию ментальных образов. Однако эта работа не может привести к построению какого-либо семантического пространства (ряд исследователей отмечают важность разграничения когнитивного и семантического уровней, их принципиальную несводимость). Таким образом Сафонов строит языковую модель «язык как когнитивное пространство»: набор языковых единиц и выражений в его текстах актуализирует читательское внимание, но лишает его возможности любой интерпретации, оставляя наедине с работой собственного мышления.

Несмотря на то, что все приведённые практики очень сильно различаются между собой, их роднит положенный в основу принцип построения предельной модели языка. И это сближает существующие поэтические практики с лингвистическими исследованиями и позволяет говорить о том, что взгляд, сходный научному, может стать основой поэтики.

Источники

Арсеньев П. Бесцветные зелёные идеи яростно спят. М.: Свободное марксистское издательство, 2011.

Нугатов Валерий. Певцы и певицы XXI века // Блог Валерия Нугатова // <http://nugatovv.livejournal.com/148934.html?thread=909254>.

Пригов Д.А. Монады // Собрание сочинений в 5-ти т. — М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Сафонов Никита. Разворот полем симметрии. Вступ. ст. С. Огурцова. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Список литературы

1. Азарова Н.М. Формирование концепта «чужой язык» как репрезентация опыта межкультурного взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4 (045), 2015.

2. Азарова Н.М. Критерий «Адресат» в установлении границ поэтического дискурса // Логический анализ языка: Адресация дискурса. М., 2012.
3. Азарова Н.М., Корчагин К.М., Кузьмин Д.В. Поэзия: учебник. М., 2016.
4. Арсеньев П.А. «Выходит современный поэт и кагбэ нам намекает»: к прагматике художественного высказывания // Новое литературное обозрение. № 6 (124), 2013.
5. Ахапкин Д.Н. Когнитивная поэтика и проблема дейксиса в художественном тексте // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов / Ред. А.А. Кибрик, Т.В. Черниговская. М.: Институт психологии РАН, 2012. Вып. 5.
6. Брик О.М. Звуковые повторы // Сборники по теории поэтического языка. П. Пг., 1917.
7. Кибрик А.А. Дейксис // Энциклопедия Кругосвет: универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия // http://www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm.
8. Корчагин К.М. Книжная полка Кирилла Корчагина // Новый мир, № 2, 2012.
9. Пригов Д., Шаповал С. Портретная галерея Д. А. П. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
10. Фатеева Н.А. Метаязыковая рефлексия в современной поэзии // Поэтический и философский дискурсы: история взаимодействия и современное состояние. М., 2016.
11. Якобсон Р. Доминанта // Язык и бессознательное: Сборник статей. М., 1996.
12. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против: Сборник статей. М., 1975.
13. Stockwell, P. Cognitive poetics: An Introduction. N.Y., 2002.